

Когда Мияко пришла в себя, её зрение заполнял алый свет.

Каждую часть её взора, от центра до краёв, заливали оранжевый и красно-жёлтый.

Чуть позже она заметила состояние своего тела. Мияко лежала на спине, и перед ней распростёрлись небо и листва.

Даже слои зелёных листьев приобрели красный оттенок.

...Уже вечер.

Она огляделась по сторонам и увидела смутные очертания. Они принадлежали мужчине, которого она узнала.

— Эй, дуралей!

Мияко быстро вскочила по двум причинам. Во-первых, она лежала вовсе не на земле. Её держал Аполлон. А во-вторых...

— Ты истекаешь кровью!

Она встала и повернулась, обнаружив его, прислонившегося к земле, которая обвалилась с обрыва.

Его золотые волосы спутались, и с головы стекало нечто тёмное, подсвечиваемое краснотой. На миг Мияко вспомнила старшеклассника из средней школы, которого ударила в голову бейсбольным мячом, но покачала головой.

Аполлон кровоточил не так, как в тот раз.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что его правая рука согнулась в неестественном положении. Одна из двух костей его предплечья сломалась.

— Вот дурак...

Ей стало ясно, что он её защитил. Она ощутила боль от её расцарапанной правой голени, но это была слабая рана, в сравнении с его. Мияко может втереть в неё слюну, и оно заживёт само.

Она осмотрелась и увидела, что вокруг никого не было. Это определённо был большой оползень, и утёс обрушился диагонально внутрь Концептуального Пространства.

Когда они находились сверху, Аполлон сказал, что концепт ослабевает вокруг внешнего края, но насколько он силён здесь? Они оказались дальше от внешнего края, чем до этого.

Мияко приготовилась кого-то позвать, но что-то её остановило.

— Не о чем беспокоится. Мои раны вскоре залечатся, — произнёс тихий голос.

Мияко изумленно повернулась и в облегчении вздохнула, что он жив, но заговорила, чтобы скрыть своё облегчение.

— Не пытайся набить себе цену тем, что защитил меня, дурачок. Ты слишком слаб для этого.

— И тут я подумал, что ты меня отблагодаришь.

Он устало прикрыл глаза, но выдал улыбку одним лишь ртом.

Это было выражение его лжи, поэтому Мияко его проигнорировала и взяла правую руку Аполлона.

— Будет немножко больно, но потерпи. Я её вправлю.

— Нет нужды. Это бесполезно, так что, пожалуйста, остановись. Ты только мешаешь.

— Не глупи. Разве такое говорят человеку, которого ты только что пытался спасти?

— А разве ты ведёшь себя иначе, Мияко? Ты жалуешься на человека, который тебя спас. — Он снова выдал улыбку одним лишь ртом. — Почему ты не ушла? Сейчас твой единственный шанс. Эта база скоро будет готовиться к битве, и мы не сможем тебя отпустить. ...Я слышал, ты занимаешься поиском работы. Другими словами, тебя испытывают с целью вступления в организацию.

— Это пустяки. Тебе не нужно об этом переживать.

— Это не пустяки, — настоял он. — Мияко, ты живёшь в мире за стеной. Ты должна покинуть нас, живущих по эту сторону стены. Вместо нас, ты должна отдать предпочтение своему будущему.

— Даже если тут у меня остались неоконченные дела?

— Ты говоришь об именовании кукол? Нет особой разницы, будут у них имена или нет.

— Разница есть!! — взревела в ответ она.

Мияко понимала, что теряет самообладание, но было слишком поздно.

Она схватила его за воротник и повернула его лицо к себе. Как только он открыл свои прищуренные глаза, девушка в них уставилась.

— Меня зовут Мияко. Отец дал мне это имя, чтобы вокруг меня собралось множество людей. У тебя имя бога солнца, и ты ведь обладаешь этой силой, нет? И ты смеешь говорить, что бессмысленно давать тем горничным имена и позволить им поверить в собственные силы?!

— Ты поистине веришь в своё имя, да? — Его брови выпрямились, и он глянул ей прямо в глаза.
— Но мой отец был совсем не похож на твоего. Он дал мне имя, управлял моими действиями и затем ушёл, взвалив всё на меня. Солнце 3-го Гира утрачено, и больше нет людей, жаждущих короля. Обладание имени включает в себя и такие вещи.

Аполлон выплюнул короткий смешок.

— Иди домой, Мияко. Иди домой и скажи своему отцу, что ты дала имена и силу большому количеству людей, собравшемуся вокруг тебя, но затем бессердечный человек воспрепятствовал тебе сделать что-либо ещё. Это даст тебе достаточно причин, чтобы пойти поплакаться твоему отцу, не так ли? Возвращайся к этому отцу, который понимает тебя, в отличие от меня.

— Мой отец умер десять лет назад! Он отправился спасать остальных и погиб! — сказала Мияко. — Ты хотя бы знаешь, что такое Рождество, чужеземец?! В детстве я попадала в кучу неприятностей и всегда думала, что в какой-то момент смогу быть честной со своим отцом. Я использовала это как повод для покупки ему небольшой бутылки в качестве подарка на Рождество, потому что он любил выпить. Он рассмеялся, и мы оба пообещали никогда сильно не напиваться. Как раз тогда он впервые мне рассказал, почему дал моё имя. Он сказал, что у него есть работа и мы сможем обсудить это позже, но то был последний раз, когда я его видела!

Он понимал её или нет?

...Я никогда не узнаю, что он обо мне думал.

Затем Мияко осознала, что они, можно сказать, спорят о том, кто из них несчастнее.

Ей это не нравилось, но она не могла простить того, кто считал себя несчастным.

...Даже в похожих обстоятельствах, я никогда не считала себя несчастной.

В конце концов...

— После этого много чего случилось. Я не пытаюсь обелить прошлое, но одну вещь не забуду никогда: значение моего имени. И я пытаюсь жить достойно этого имени! Пускай моего отца больше нет, и никто от меня ничего не ждёт, но если речь заходит об имени — я не отступлю!

Она акцентировала свои слова ударом головой и ощутила столкновение.

Это вызвало боль, но мужчина затряс головой и сверкнул на неё глазами за этой болью.

Мияко услышала его слова.

— Ты пытаешься прожить жизнь, чтобы не было стыдно? Ты не отступишь? Не будь наивной!

Её достиг ответный удар головой.

Сквозь её череп прозвенел звук столкновения.

Он звучал довольно прилично.

Этот ублюдок не так уж и плох, — подумала Мияко после толчка назад и быстро восстановилась.

Она начала с ответного удара.

— Кийа!

Но звук удара был слаб, потому что он удержал голову от опрокидывания назад.

Они прижали лбы друг к другу, Аполлон стиснул зубы и снова произнёс.

— Уходи, Мияко. Если ты столь настойчива, воспользуйся своим именем и покори мир снаружи.

— Ага, я уйду, и возьмусь за тот мир. Но сперва я закончу здесь то, что осталось.

— Что здесь ещё заканчивать? Тебе так нравится, когда тебе потакают автоматические куклы?

— Я преодолею это потакание!

Она решительно врезала лбом, оттолкнув его прочь движением головы.

— Куклы стали говорить, что они благодарны за то, что я делаю. Я перестану быть просто гостем и стану тем, кто сможет делать для них то, чего они не могут! Что с этим не так?!

— Это привилегия их господина!

— Если бы ты этим занимался, мне бы не пришлось занимать твоё место!

— Значит, ты пытаешься стать их хозяйкой?! И поступая так, отбрасываешь последнего человека 3-го Гира и игнорируешь его решения? Как ты возьмёшь за это ответственность? Автоматические куклы не изменились бы, если бы ты сама благополучно ушла, так как же ты возьмёшь ответственность за то, что их изменила?!

Его вопрос сопровождал удар лбом, и он был весьма эффективным.

Мияко испытала лёгкое головокружение и несколько переоценила своё к нему отношение.

...Ему вполне хватает решимости.

В драке одной решимости недостаточно, но в определённых вещах это может стать решающим фактором. Без решимости невозможно собраться с силами, чтобы выдержать боль.

Его вопрос покачнул решимость Мияко, и Аполлон сам ей наполнился. Это взаимодействие вызвало двойной урон.

Его вопрос об ответственности, скорее всего, был его истинными мыслями, поэтому Мияко подготовилась ответить.

Чтобы вернуть свою покачнувшуюся решимость, она не стала просчитывать всё в голове. Если он швырял в неё свои истинные мысли, она тоже скажет то, что было у неё на уме.

— Ты не знаешь, что тебе делать, да? Ты потерял свой мир, потерял отца и теперь не знаешь, что делать.

Я лезу в его проблемы, — осознала она. — Но я также обращаюсь к своей старой личности.

Но это были её истинные мысли. Она не сдерживалась и не думала о последствиях.

Мияко продолжила и произнесла то, чего не следовало бы говорить, желая она сохранить дружественные отношения.

— Мне плевать на ответственность. Мне нет дела до того, что твой мир был уничтожен. — Она подняла голову. — Но я знаю, что бы сделала, окажись на твоём месте. Я непременно бы нашла работу во внешнем мире. Уж я бы постаралась. Едва лишь я этого пожелала, то пошла бы туда, куда мне хотелось; работала бы там, меня бы там приняли, я бы совершала ошибки, жаловалась, пнула моего начальника, получила по голове от начальника, подружилась с начальником и вместе с этим что-то бы создавала и зарабатывала деньги. И...

— И?

— Я бы использовала эти деньги, чтобы прокормить здешних кукол.

Она устремила взгляд перед собой и увидела, что жёлтые глаза Аполлона смотрят в её сторону.

— Автоматические куклы не нуждаются в тебе, чтобы себя прокормить. Они обеспечивают себя сами. Более того, им не нужно никакой еды, кроме небольшого количества топлива. И как ты прокормишь всех кукол здесь? Ты заработаешь достаточно денег, чтобы платить им всем зарплату?

— Совсем тупой? Люди едят не еду. Они едят удовлетворение.

Ей казалось, что она наивна, но таковыми были её истинные мысли.

Хватка на его ворота налилась силой. Это сработает, — сказала Мияко себе перед тем, как произнести то, что хотела сказать на собеседовании компании.

— Деньги, еда, вещи, социальный статус, вопросы, ответы, куда-то идти, возвращаться домой, что-то делать, что-то ломать, с кем-то быть и кого-то бросать — это всё формы одного и того же чувства удовлетворения!! — Сказала она. — Если служение людям — это работа кукол, то даже небольшое количество денег оставит запись об их службе. Даже добавление в кучу одной монетки вызовет звук, который они могут хранить в своей механической памяти, и количество этих сохранённых звуков явит течение времени, потраченное на службу их господину. Эти воспоминания докажут, что все случилось в реальном мире, а не просто в их головах.

— И чего ты так добьёшься? Это сентиментальность, которую ты им навязываешь.

— А что плохого в сентиментальности? Даже машины помнят о прошлом, и, чтобы гордиться своей работой, им нужно какое-то доказательство. Если подобная сентиментальность ошибочна, ты хочешь сказать, что чудесно не иметь эмоций вообще, Аполлон?! Если не будешь ничего делать и избегать всяких эмоций, ты никогда не обретёшь гордость, которую можешь потерять, и никогда не испытаешь боли в прошлом! Но разве не отсутствие этих вещей привело к разрушению людей 3-го Гира и оставило только машины?!

Она рассмеялась.

— Безднадёжные люди, утратившие свои эмоции, сгинули, тогда как машины, со способностью получить эти вещи, выжили. И где же бог, который сделал твой мир таким?

— Ну...

— Этот бог теперь не только у нас в голове. Он в небе над теми машинами, выращивающими цветы! Когда эти цветы неизбежно умрут, это оставит шрам в воспоминаниях тех кукол, и я скажу им не бояться увядания цветов. Так же как они дали цветам расцвести, чтобы создать собственное прошлое, цветы создали их прошлое, чтобы оставить после себя семена. Такое же удовлетворение лежит как в куклах, так и в цветах. Я отыщу своё удовлетворение в увеличении таким образом сентиментальности 3-го Гира, и поэтому буду дико счастлива игнорировать тебя, который это удовлетворение отрицает!

Мияко отдернула голову назад и ощутила, как всё её тело наливается силой.

...Это непременно сработает.

Она выдала последний комментарий, махнув головой в сторону его лба.

— Вот увидишь! Если ты настаиваешь на том, чтобы быть безэмоциональным хозяином, я стану сентиментальной хозяйкой!

На её крик тут же ответил голос от утёса над головой.

— Это правда, Госпожа Мияко?!

Неожиданный голос Мойры 1-й сопровождало несколько десятков фигур, высунувшихся над обрывом.

Мияко замерла на месте, когда услышала звук одновременного движения нескольких человек. По-прежнему удерживая ворот Аполлона и притянув его к себе, она подняла взгляд к утёсу.

Под алым небом собрались Мойра 1-я и прочие горничные. Мойра 2-я не пришла, но все, кого она именovala, были здесь.

Стоя на коленях, Мияко глянула на них.

— Ч-что вы тут делаете?

— Мы прибыли, чтобы вас спасти, но Господин Аполлон сказал, что желает сначала с вами поговорить.

Услышав это, Мияко глянула вниз и увидела, что молодой мужчина отвёл взгляд и его плечи тряслись.

...Вот сукин сын.

— Когда ты до этого лежал без сознания, ты притворялся?

— Да, полагаю, можно сказать и так.

— И... ты направлял мои мысли?

— Какое жестокое подозрение, Мияко. Я просто хотел поговорить с тобой начистоту.

— О? Это удивляет.

Мияко кивнула, и в глубине её нутра вскипела новая тёмная эмоция.

Она приоткрыла уста, но вырвался только простой глагол.

— Умри.

— Ха-ха. Ни к чему такая агрессия, Мияко. Женщины должны говорить более милым языком, чем этот.

— Прими милую смерть.

— П-постой. Успокойся, Мияко.

— Смерть это миг. Даже я не могу заставлять её ждать.

— А ты весьма поэтична.

— Значит, мне нужно сочинить тебе элегию? Вива загробная жизнь.

На этих словах, Мияко кое-что осознала.

...А?

Она схватила его правую руку, и глянула на предположительно сломанную кость.

— В чем дело, Мияко? Что-то не так с моей рукой?

Она больше не была сломана.

Мияко ощутила на спине дрожь, но не от страха или удивления. Она не понимала правду в её руке, потому получила чувство неведомого.

Но пока девушка хранила молчание, Аполлон вытащил свою руку из-под её и слегка ей потряс.

— Похоже, она зажила. Люди 3-го Гира обладают долголетием, в конце концов.

— В-вроде того, — согласилась Мияко, задумавшись.

Согласно Мойре 1-й, народ 3-го Гира имел долгую жизнь, но их метаболизм не отличался от людей Лоу-Гира.

...Так почему же его рука так быстро зажила?

Рана на его лбу также пропала. Мияко дотронулась до собственной головы, и не обнаружила там крови. Это означало, что его рана зажила до того, как начался обмен ударами.

...Что происходит?

Пока она размышляла, Аполлон поднялся, а горничные спустились с холма ему навстречу. Они держали ладони внизу, воспользовались управлением гравитации, чтобы прижать и вернуть рухнувший край утёса на место, и засемили вниз.

Мойра 1-я находилась во главе, и она с улыбкой глядела туда-сюда между двумя людьми.

— Мы теперь подтвердили, что вы двое наши хозяева.

— Нет, эм. Я просто...

Не успела Мияко рассеяно встать, как Аполлон повернулся спиной и его плечи затряслись.

Как только она осознала, что он смеётся, то ощутила, что её щеки зарделись. Мияко предположила, что под вечерним солнцем никто не заметит, поэтому повернулась к Мойре 1-й, расслабила плечи и подумала.

...Ну, вот как всё обернулось.

— Ладно уж. Я помогу по мере своих сил. Студент университета, занятый поиском работы в современной Японии, знает только идеальную форму корпорации, и я слышала, что поиск места работы для достижения своих целей это способ преодоления экономического спада. Простите, мне не хватает опыта сказать что-нибудь не вырванное из учебника.

Мияко вздохнула и произнесла в ответ на расширение улыбки Мойры 1-й и улыбки упования за её спиной.

— Но ничего не делать — тоже приемлемый курс. Это в сто крат лучше, чем активно всё ухудшать. И всё же, мне бы хотелось сделать что-то с этим миром, который тратится впустую.

— Серьёзно, что происходит?

Голос заливал небольшую, продолговатую комнату.

В комнате мужского общежития находилась двухъярусная кровать и шкафчики рядом со входом, на которых значилось «Пуп земли — Саяма» и «Здравомыслящий — Синдзё».

Из окна напротив входа проглядывалось начало ночи, и у стола перед ним кто-то сидел. Невысокий парень повязал бандану вокруг головы и носил чёрную футболку и штаны от школьной формы.

Он разговаривал с кем-то по мобильному телефону.

— Как там Микаге-сан? А, это её дневник. Она пишет в нём каждый день. Ты можешь на секунду дать ей трубку?

Через несколько секунд, он проговорил к звукам, исходящим из трубки.

— Микаге-сан, ты пишешь в дневнике, да? Не думаю, что смогу его сегодня прочитать, но ничего, если я прочту завтра утром, когда мы отправимся с остальными в Окаяму?

После кратковременной тишины, он немного опустил голову.

— Извини. Я не должен был тебя подводить. В общем, я снова позвоню утром, но если возникнут проблемы, ты можешь попросить Казами-сан мне позвонить. Не переживай. Она старшеклассница, поэтому занимает положение выше меня, и ты можешь ей доверять. Я обещаю, что она не сделает ничего против твоей воли. Можешь передать ей назад трубку?

После ещё одной паузы, он почесал затылок.

— Ах, да. Так и есть. Я как-то могу её понимать, пускай она и не может говорить. Мне просто приходит в голову мысль, о чём она вероятно думает. Конечно, я передам трубку Изумо-сану.

Из нижней койки появился Изумо, одетый в чёрную спортивную куртку, и поднял руку в сторону парня у окна.

Парень бросил ему телефон, и Изумо его поймал.

— Что там, Чисато? Тебе одиноко? — заспано спросил он. — Ага, Хиба сказал что-то о понимании её, даже когда она не говорит. Все эти домыслы выглядят по мне довольно опасными.

— И-изумо-сан! Ты всё испортил!

— Хм? Не переживай об этом, Чисато. Это просто жалобы мелкой сошки. Мы тоже можем понять без слов, чего хотим. Вроде, когда мы в постели каждую ночь и — ты убьёшь меня, если я скажу что-то ещё? Сбросишь меня завтра с вертолета? Ха-ха-ха. Незачем стесняться.

— Это называется «стесняться»?

Хиба зыркнул на него от окна, но Изумо не обратил никакого внимания.

— Ну, надеюсь, ты приятно проведёшь время с Микаге. У тебя давненько уже не было женского соседа по комнате, ведь так?

— Ох, ты бы не мог кое-что передать Казами-сан? Скажи ей не помогать Микаге-сан, когда она ходит с тростью, и не помогать, даже если она споткнётся. И даже если проще общаться через письмо, скажи ей по возможности этого избегать. На это может уйти больше времени, но она сможет понять, что Микаге-сан говорит на основе её ограниченного произношения.

— А ты строг.

— Микаге-сан сама этого хочет.

— О? — поражённо проговорил Изумо. — Ты это слышала, Чисато? Конечно, я слышал, что поднялся немалый шум, когда ты зарезервировала для неё женскую баню. Она выглядит довольно взросло.

Некоторое время Изумо просто кивал и слушал голос из трубки.

После изрядного количества замечаний и около семи кивков, он повернулся к Хибе.

— Тебе есть ещё что сказать?

— Нет, — ответил Хиба.

Изумо передал, положил трубку, вздохнул и поместил телефон на зарядное устройство на полу.

— Что ж, а теперь.

Изумо повернулся к Хибе, и тот нахмурился.

— Что такое? Выглядит так, будто ты хочешь что-то сказать.

— Я просто подумал как это странно, что мой дед, твой и Саямы знали друг друга.

— Странноватое чувство. Но...

— Но?

Хиба примирительно почесал затылок.

— Я всё так же не собираюсь рассказывать тебе о второй скверне. Извини.

— Это ничего, но наша утренняя битва не вызвала у тебя желание примкнуть к нам?

Хиба рассеяно улыбнулся и не ответил, поэтому Изумо выдал тихий смешок.

— Хиба, что ты собираешься делать, когда битва с 3-м Гиrom закончится?

— Это просто. Это будет значить, что Микаге-сан сможет снова эволюционировать, поэтому я оставлю Керавнос со всеми вами и заживу в мире.

— Ты сражаешься ради её эволюции?

— Да, — ответил он. — Мне кажется, что она не эволюционирует, потому что мы вынуждены сражаться, и потому что у нас нет Концептуального Ядра. Я просто хочу быть с ней и...

— Можешь не говорить. Ты слишком развеешь чувство по воздуху.

— Возможно, но у тебя есть что-либо похожее?

— Ага. Я всегда думаю о... ну, несказанно грязных вещах, которые я мог делать с Чисато и... Что за взгляд? Разве ты не об этом?

— Нет, но я немного тебя зауважал. Где-то на 20%... нет, 15%.

Изумо удовлетворенно кивнул.

— Но мне кажется, что это не всё. У тебя есть другая причина?

— Да. Тифон 3-го Гири в ту ночь кое-кого похитил, помнишь? Ну, давным-давно я потерял старшую сестру. Она пропала.

— Старшую сестру?

— Да. Около десяти лет назад мой дед её приютил. Это произошло где-то через три месяца после прибытия Микаге. Он сказал, что сделает её своей внучкой.

— Какой она была?

— Несмотря на то, что девушка, она была невероятно хорошей мечницей. Я никак до неё не дотягивал. Я пытался много раз приблизиться и пощупать её грудь, но мне ни разу не удавалось.

— Ясно. Если кому-то с твоим проворством этого не удалось, она наверняка была что-то с чем-то.

Хиба кивнул, но стиснул правый кулак и наполнил его силой.

— Не знаю, как бы всё обернулось сейчас. В то время мой отец умер, и я думаю, дед хотел сделать её своей наследницей, но она неожиданно исчезла около года после.

— Исчезла? Как её звали? Я могу проверить через разведывательную сеть ИАИ.

— Её звали Мики. Ты знаешь Хибу Мики?

— Нет. — Изумо почесал затылок. — Извини. Но ты думаешь, что за этим мог стоять 3-й Гир, да?

— Мы более или менее рассмотрели, почему сражаюсь я, но как насчет тебя?

— Потому что это занятно. С чего бы ещё?

Его мгновенный и небрежный ответ заставил Хибу замереть.

После пары секунд тишины, он нахмурился.

— Занятно? Люди умирают в этих битвах.

— Я не могу ничего поделать с тем, что нахожу это занятным, и незачем об этом врать. Я довольно много об этом размышлял, хотя у меня и нет столько боевого опыта, сколько у тебя. — С его губ просочился горький смешок. — Я получил божественную защиту от моей матери, место, где можно разгуляться на полную, мои узы с Чисато, доверие с моими глупыми младшеклассниками и товарищами и прочие вещи, в которые ты не поверишь, если я скажу их вслух. И в эту минуту я нахожу все эти вещи там, на поле боя. С обычной жизнью, правда, я бы, наверное, нашёл их в спортивной команде или клубе.

— Ты относишься к концептуальным битвам как к спорту?

— Школьная парта и рабочее место — тоже своего рода поле боя. Или ты думаешь, что твои поля сражений особенно трудны в сравнении со школой или работой? — Изумо глянул прямо на Хибу. — Если так, тебе нужно извиниться перед всеми, кто уставился в школьное окно или калякал в классе. И тебе нужно извиниться перед людьми, стоящими за регистрационными стойками или разъезжающими на мопеде, доставляя пиццу. Ты можешь извиниться, раздевшись догола, поклонившись низко до земли и сделав фотосессию. И непременно сделай это на улице.

— Я не хочу делать это на улице! Ох, но я не хочу этого делать и в помещении.

— Вот как. Значит, тебе не по нраву эксгибиционизм. Тогда, запомни-ка вот что, — сказал Изумо. — Ты найдешь поле боя везде. Куда бы ты ни пошёл: кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, кто-то достигает успеха, кто-то терпит неудачу. И люди могут жить или умереть от несчастного случая где угодно. Всё, что я хочу сказать — мне хочется насладиться этим всем, если возможно. В каком-то роде, не бывает веселой и мирной жизни там, где ты ничего не делаешь. Если ты хочешь найти настоящий мир...

— Да?

— Это когда ты спишь рядом с девушкой, которая для тебя дороже всего на свете. Хотя можно сказать, это тоже своеобразное сражение. Ну, так что, ты собираешься ничего не делать, но спать с Микаге?

— Это невозможно... И ты просто ужасен. Хотя моё уважение к тебе поднялось до 30%.

— Хорошо, хорошо, — Изумо кивнул. — Кстати, я слышал от Чисато, что ты каждый день принимаешь ванну с Микаге.

— П-погоди-ка минутку! Кто-то же должен вытирать её тело и помочь ей, когда она не может подняться с ванной.

Хиба резко вскочил со стула, но Изумо на кровати выставил вперёд руку, чтобы его остановить.

— Незачем паниковать. Я тебя не критикую. Наоборот, я слышал, что её тело ещё до конца не сформировано. Это правда?

— Да, — Хиба медленно сел и скрестил руки и ноги. — Я не мог сказать этого раньше, потому что она была с нами, но ничего, имеющего отношения к её полу, не развилось. Мне кажется это потому, что её эволюция остановилась до того, как она получила какое-либо знание на эту тему.

— А сейчас она об этом знает?

— Да. Старшеклассник с моего клуба подрабатывает в Ёкоте, поэтому я попросил его достать мне зарубежный учебник. Вопросы Микаге-сан, когда она его читала, были настолько ненамеренно тяжелы, что даже если б ты попытался, тебе трудно было бы смутить меня до такой же степени. Она то и дело ко мне прислонялась, неожиданно раздевалась, чтобы сравнить себя с содержимым учебника. Я просто... как бы это выразиться? Не знал, как себя вести!

— Успокойся, парень. С её точки зрения, она просто пыталась учиться. Тебе нужно себя сдерживать. Хотя я полагаю, даже если б ты не смог, она не оборудована для этого.

Хиба прищурился и сполз немного вниз на стуле.

— Она иногда спрашивает, был бы я счастливее, будь она полноценной девушкой.

— И что ты говоришь?

— Я не отвечаю.

Хиба горько улыбнулся и Изумо сделал то же самое.

— Ну, из того, что я вижу, она хорошая девушка. Я думал, она будет более зависима от тебя, но на деле она слушается того, что ей говорит Чисато.

— Она нейтральна ко всем, кого я не считаю врагом. Единственные люди, которым она будет улыбаться, или позволит к себе прикоснуться без опаски, это моя мать, бабушка с дедушкой и я.

— Она улыбается?

— Это первая вещь, которую она выучила в своей эволюции.

— Понятно.

Изумо кивнул, но больше не расспрашивал.

Затем Хиба, похоже, что-то осознал, огляделся по сторонам с серьёзным выражением лица и пожал плечами.

— Между тем, что за дела с Саямой-саном и Синдзё-саном?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Изумо.

— По школе ходят слухи, что они в гомосексуальных отношениях, — сказал он тихо. — Ежедневная «Роза Така», газета, распространяемая газетным клубом девушек, начала выпускать роман; на всеобщем школьном гей опросе Саяма-сан на первом месте, и этим утром их видели в обнимку друг с другом. — Хиба хлопнул по коленям. — О, точно. Казами-сан должна что-то знать. Я слышал, она вместе с Синдзё-саном покупала купальники в школьном универмаге. И они оба купили женские купальники.

— Подожди минутку. Мне нужно кое-что проверить.

Хиба удивленно наклонил голову, тогда как Изумо вытащил свой телефон.

— Эй, Чисато? Мы не рассказывали Хибе про Синдзё?

Пока Хиба продолжал недоумевать, Изумо тихо что-то сказал в трубку, и пару раз кивнул. Наконец, он медленно вернул телефон на зарядку.

— ...

Парень опустился на край кровати, поник головой и подпёр её рукой.

— Ч-что-то случилось? — спросил Хиба.

— Ну, похоже, мы некоторое время будем много видеть друг друга, так что я, наверное, должен тебе рассказать.

— Это о Саяме-сане и Синдзё-сане?

— Ага, — Изумо кивнул и уставился на Хибу с серьёзным выражением лица. — Держи это в секрете, но всё, что ты слышал — правда.

— Серьёзно?

Изумо ничего не сказал и не стал кивать, но затем он вздохнул.

— Как твой старшеклассник, я приказываю тебе спать сегодня на верхней полке. Я не хочу подхватить микробы Саямы.

— Разве кровать Синдзё-сана не такая же? — спросил Хиба, вставая.

Его нога стукнулась о стул, и колесики послали его к комоду сбоку. Столкновение породило тупой звук.

— Ой, и-извини. И это даже не моя комната.

— Я бы лучше туда не заглядывал. Ты можешь обнаружить какие-то улики.

— П-прошу, не пугай меня так.

Хиба двинулся к комоду, стоящему за кроватью, поэтому скрылся из вида Изумо.

— Похоже, что-то упало с...

Хиба запнулся, и тишина продолжалась несколько секунд.

После ещё парочки секунд молчания, Изумо озадаченно наклонил голову.

— Эй, Хиба. В чем дело?

— Э-э, Изумо-сан?

Хиба вышел из-за кровати, держа что-то белое. Он развернул белый объект между ладоней.

— Оно упало с комода.

— Выглядит как женское нижнее бельё.

— Н-не веди себя так, будто это нормально! Почему оно здесь?

— Позволь мне сказать прямо: с Саямой и Синдзё это нормально.

— Подожди минутку! Нравы этой школы вконец рухнули?!

— Не переживай об этом, — сказал Изумо, вставая и хлопая себя по груди. — Ну? Ты видишь, насколько я сейчас нормален?

— Мне кажется, ты делаешь нечестное сравнение.

— Можешь не переживать и об этом. В общем, в завтрашнем тренировочном лагере на Внутреннем Море, я приказываю тебе разделить палатку с Саямой. Удачи. Я знаю, что ты справишься.

— Нет, не справлюсь!!

Едва он выкрикнул с женским нижним бельем в руках, раздался звонок, указывающий на отбой.

Сквозь неподвижность пробивался тяжёлый звук.

В лесу под ночным небом позади освещённой фабрики расположилась прогалина.

Пятидесятиметровое пространство создали, выкопав участок земли, и на нём находились две фигуры.

Две фигуры во тьме оказались женскими.

Они обе были высокими, имели длинные тёмные волосы, и обе держали деревянные мечи, но одна завалилась на землю.

Та, которая упала в сидячем положении, была младшей из двух. Девушка обладала пронизывающим взглядом, оделась в белую джинсовую рубашку с джинсами и цокнула языком.

— Ты как всегда на высоте, Тацуми.

Она зыркнула на свою противницу. Деревянный меч девушки по имени Тацуми висел внизу, и вовсе не наготове.

Тацуми носила жёлтое платье и белый джемпер, и в глазах под её зачёсанными в стороны волосами стояла улыбка.

— Если ты так на меня смотришь, Микоку, у тебя подходящий настрой. Тебе скоро уходить, верно? Если ты хочешь успеть на десятичасовой поезд в Йокогаму, тебе нужно уйти отсюда в восемь.

— А не рановато?

— Ты отправляешься в Йокогаму и будешь ужинать там, верно?

Микоку вздохнула, проигнорировала последующую жалобу Тацуми и махнула головой в сторону фабрики.

— Я бы с радостью посетила там Чайнатаун, но Сино уже наготовила на сегодня.

— Правда? Но у неё есть свои дела. ...Алекс, где Сино?

[Спит. На мне.]

Голос, похоже, исходил от мегафона, но не достигал окружающей местности. Это был направленный голос.

— Понятно, — ответила Тацуми, и её плечи поникли. — Если Сино что-то приготовила, это, наверное, к лучшему.

— Так будет лучше всего. Я уверена, она приготовила гораздо больше необходимого.

Микоку начала вставать.

— !..

Но Тацуми шагнула к ней и взмахнула деревянным мечом к лодыжке младшей девушки.

Микоку уклонилась от скоростной атаки, подпрыгнув в своём подъёме вверх, и направила деревянный меч в сторону Тацуми.

— !

Тацуми уже изогнула тело вверх.

Меч, несущийся вниз, отреагировал на это прыжком в обратную сторону.

Воздух наполнился треском, и деревянный меч Микоку сломался напополам. От ворота её одежды разлетелись клочки ткани, и в её щеку дунул ветер.

Она не могла ничего поделать, когда в воздухе что-то ударило её в грудь.

Этот твёрдый и мягко направленный объект оказался кончиком деревянного меча Тацуми.

Деревянное оружие слегка ткнуло в её грудь, и улыбка с другой стороны выдала предупреждение.

— Открой рот и выдохни.

Не успела она это сделать, как что-то произошло.

Кончик меча медленно наполнился силой. Её было недостаточно, чтобы вызвать боль, но он ускорился в серию мгновений.

— Это откинет тебя прочь, так что приготовься приземлиться!

По-прежнему не вызывая никакой боли, произошло именно это.

Тацуми исчезла из взора Микоку, и на её месте возникло небо.

Микоку не знала, что случилось.

Она, наконец, осознала, что перекрутилась в воздухе, но затем её спина столкнулась с травянистой насыпью, обрамляющей край поляны.

— !..

Она знала, что это случится, поэтому распласталась на земле и расслабилась. Из её лёгких исчез воздух, и её расслабленные мышцы освободили её грудь до того, как она попыталась вдохнуть.

Микоку сумела сделать обычный вдох кислорода, что стабилизировало её зрение.

Где Тацуми? — Подумала она.

Расположение той девушки сообщит ей, как далеко её отбросили.

Но эта идея оказалась бесплодной, потому что Тацуми стояла справа от неё.

— Ты абсурдна.

— Ты и сама должна быть в состоянии на такое.

— ...

Микоку не думала, что сможет, но сейчас ей не хотелось этого говорить. Они спорили множество раз, и она всегда проигрывала.

Пока Микоку хранила молчание, Тацуми прищурилась и протянула руку.

— Я немалою тебя научила на сегодняшнем уроке. Ты это осознала?

— Да, — согласилась она, протянув руку к ней навстречу.

Их руки соприкоснулись.

— ...

В следующий миг Микоку услышала позади себя собственный шаг.

Это потому, что Тацуми вмиг её подняла. Этот шаг был звуком её подъёма.

Тацуми как обычно стояла перед ней, и это заставило Микоку сглотнуть.

— Придерживайся этого, ладно? В последнее время ты не особо стараешься, — Тацуми снова прищурилась. — Тебя взяли в этот раз в качестве телохранителя Хаджи не из-за доверия или обязательств. Конечно же, не поэтому. Ты понимаешь, не правда ли? Ты тоже можешь использовать эту технику.

— Но во время тренировки мне ни разу не удавалось по тебе попасть.

— Ты из тех, кто блещет в реальном бою, — Тацуми выстрелила этой отговоркой и с улыбкой наклонила голову. — Фокус в том, чтобы внимательно наблюдать за своим противником и использовать свою силу по максимуму. Если ты за ними наблюдаешь, то сможешь увидеть, как уклоняться или блокировать как можно чаще, верно? Я предпочитаю блокировать и отбрасывать их прочь, но ты, скорее всего, преуспеешь в уклонении и использовании их собственных движений, дабы их одолеть.

Тацуми сделала небольшое спиральное движение вытянутой рукой.

В этом действии скрывался трюк к вырыванию силы противника и использования её против него.

Микоку ни разу не преуспела в его использовании.

...Я лучше справляюсь, когда просто использую всю свою силу.

— Я не думаю, что могу драться как ты, Тацуми.

— Тебе и не нужно, но у тебя будут неприятности, если ты даже не сможешь избежать попадания под огонь пушки Фафнира Возрождённого. Что если бы сразу после этого выстрелили в Хаджи или Сино?

При словах Тацуми Концептуальное Пространство омыл мягкий летний бриз.

— Не переживай, Микоку. Ты сможешь достичь даже больше силы, чем это, и во имя твоего мира ты сумеешь ей овладеть.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что таково твоё желание, — сказала Тацуми. — Подумай об этом. Чем больше силы или желания есть у людей, тем тяжелее для них использовать эту силу на полную. Я не желаю

много силы, но даже я могу достичь такого уровня.

А значит...

— То, что ты по-прежнему не способна использовать свою силу на полную говорит о том, что ты вырастешь до невероятных высот.

— Ты меня переоцениваешь. Мое желание просто, — она оттолкнула руку Тацуми в сторону, развернулась спиной и шагнула на насыпь. — Я разбужу Сино, поужинаю и отправлюсь в Курасики. У Сино есть собственная миссия.

Она услышала позади себя вздох.

— Ты волнуешься о Сино?

— Да. Даже если с ней будет Широ, она всё ещё...

— С ней всё будет хорошо. Проблема в том, как сильно ты переживаешь, Микоку, — произнёс голос у неё за спиной. — Я давно об этом думала, но мне кажется, что пришла пора тебе сказать, что ты принимаешь миссии Армии слишком близко к сердцу. Микоку, за что ты сражаешься? Ответь мне, будто это подростковый фильм.

Микоку не могла ответить на вопрос Тацуми.

...За что я сражаюсь?

Она знала ответ, но ни с кем не собиралась им делиться. Даже с Тацуми.

Она хранила молчание, шагнула на травянистую насыпь и начала двигаться прочь.

— Ты не можешь ответить как в подростковом фильме?

— Нет, — произнесла она. — Я не могу сказать это и в стиле фильмов про якудзу или фильмов с монстрами.

— Ага, так, наверное, не получится. Хотя сделать это как в «Хейди против Меха Ондзи» на прошлой неделе, было бы неплохо.

— Они так и не показали чем закончился бой между Мах Питером и Гигантской Кларой, следовательно, я поставлю этому D. В общем, если тебе есть что сказать, хватит ходить вокруг да около и говори.

Она развернулась на насыпи и обнаружила, что Тацуми не двигается.

На её приподнятом взгляде, лунный свет осветил её тихую улыбку.

Этого выражения лица хватило, чтобы Микоку отступила.

— Если ты так хочешь, то я скажу, — проговорила Тацуми, по-прежнему улыбаясь. — Я, кажется, знаю, что ты думаешь насчет Сино. Как только грядущая битва с UCAT завершится, и этот мир станет нашим, ты оставишь всё на Сино и исчезнешь.

— ...

На секунду Микоку не знала, что и сказать.

...Откуда она знает?

Чтобы скрыть изумление в сердце, она заставила себя пожать плечами. Девушка выдала издевательский смешок и попыталась отвергнуть заявление Тацуми.

Микоку приоткрыла уста, но Тацуми заговорила раньше.

— Не волнуйся. Я не расскажу Сино, и она не сможет понять, насколько ты безрассудна, разве что скрестит с тобою мечи.

— Постой, Тацуми. Хватит нести чушь.

— Ты же хотела, чтобы я рассказала, разве нет? Ты не имеешь права меня останавливать, так что я буду говорить, и ты будешь слушать до конца. Если тебя не устраивает, то можешь впасть в отчаяние и сделать это с громким звуковым эффектом.

[Пича-а-аль!!]

— Алекс, помолчи. И не подслушивай разговор между девочками.

[Пича-а-ль...]

Тацуми вдохнула, но Микоку провела рукой по волосам, чувствуя внутри себя нетерпение.

Тацуми была абсолютно права.

Армия рано или поздно столкнётся с УСАТ и использует свою силу, чтобы занять в этом мире лидирующее положение.

Но Микоку знала определённый факт.

...Победа силовым путём редко приводит к хорошему результату, даже если ты сумеешь после этого удержать контроль.

Если Армия получит права на мир после их победы, Микоку казалось, что лучше всего будет оставить эти права человеку, который находится от силы Армии дальше всех.

И как та, кто использует эту силу, она отдалится от этого человека.

...Мне необходимо отдалиться от Сино.

Но Тацуми также упомянула, как она это осознала.

...Она осознала, что я в отчаянии, когда мы скрестили мечи?

— Тацуми, — позвала Микоку. — Какое отношение моя отчаянность имеет к Сино?

Ответ пришёл без промедления.

Тацуми проговорила, разведя руки под лунным светом.

— Всё просто. Отчаяние подразумевает, что ты готова умереть, но почему? Обычно, люди умирают не ради себя. Это означает, что дело в ком-то другом, и для тебя, кто бы это был кроме Сино?

Плечи Тацуми зашевелились, и она прибыла к глазам Микоку до того, как та сумела приготовиться.

Она не могла даже удивлённо вскрикнуть, перед тем как Тацуми подняла руку над её головой.

Рука сложилась в кулак и направилась вниз.

— Вот дурочка.

С пространства между кулаком и головой вырвался оглушительный звук, от макушки до зада пронеслась боль, и сила покинула её ноги.

— !..

Микоку ухватила за голову и присела, тогда как Тацуми вздохнула и поставила руки на пояс.

— Знаешь, — сказала Тацуми, словно прося её подготовиться к последующим словам.

Микоку подняла взгляд к своему учителю фехтования, которая перестала улыбаться и расслабила лицо.

— Микоку, ты сражаешься ради Сино, — донёсся голос Тацуми. — Но если ты умрёшь, в этом будет виновата Сино. Вот что значит сражаться ради кого-то другого. Ты в состоянии сражаться из-за кого-то, но также и умираешь из-за кого-то. Выходит, ты не умрешь, если бы не они.

— ...

— К счастью, Сино не осознает, о чём ты думаешь. Иначе бы не дала тебе ступить на поле боя. Она бы сказала не делать такого ради неё. Однако речь бы шла скорее о побеге от ответственности, чем о заботе за твою сохранность.

— Сино никогда бы не вздумала бежать от ответственности! — Инстинктивно воскликнула Микоку. — Она волнуется за других и никогда не будет переживать о собственной ответственности!

— И поэтому ты можешь с легкостью винить в своих ранах её. Это нечестно, Микоку.

— !..

— Что это за взгляд? Попали по больному месту? Можешь злиться, сколько захочешь. Выплесни хороший взрыв ярости.

Микоку на это отреагировала.

Её движение было внезапным, но Тацуми спокойно отступила назад, словно этого ожидала.

Однако Микоку сумела заметить Тацуми.

...Направо!

Она положила руку скорее на инстинкты, чем на зрение, чтобы шагнуть на насыпь и послать правый кулак в удар.

В следующий миг что-то обернулось вокруг её руки.

Её что-то схватило.

— Кх.

Микоку не могла пошевелиться. Её запястье зафиксировали на месте, а ноги остановило давление на бедре.

Но в то же время её рука пробила.

— Это впервые твоя атака меня достигла?

Микоку повернулась к вопросу и обнаружила, что они обе уставились друг на друга на полпути вверх на насыпи. Правая рука Тацуми схватила её запястье, и чуть дальше находилось привычное бесстрастное лицо девушки.

— Эта ярость привела твою атаку на меня, но на кого она направлена?

Зрение Микоку перевернулось.

К тому времени как она осознала, что её швырнули, в поле зрения оказалась луна. Ей показалось, что её бледный свет напоминает сверкающий драгоценный камень.

— !..

Когда Микоку рухнула на землю, то оказалась совсем не рядом с насыпью. Она приземлилась почти у центра прогалины в двадцати метрах от края. Столкновение заставило её кашлянуть, и с расстояния до неё донёсся голос Тацуми:

— Порой ты действительно ведёшь себя глупо. Почему ты потеряла бдительность? Не забывай готовиться к падению, и тем самым уменьшишь напряжение на лёгкие.

Ей не хватало самообладания, чтобы ответить, и, поднимаясь, она продолжала кашлять, и Тацуми подбежала к ней сбоку.

— Ну же, ну же. Вставай и думай. Решать нужно тебе. Пожелаешь ли ты сражаться сама, или перекинешь всю вину на Сино? Я не скажу, что из этого правильно, а что нет. Решив сражаться ради себя, ты можешь эгоистично отправиться на собственную гибель, — сказала Тацуми. — Но Сино делает всё возможное, чтобы все вы её признали. Правда, она делает это не ради тебя. А ради самой себя.

— Я... — начала Микоку, пока Тацуми не стукнула её по голове.

— Тебе не нужно отвечать сейчас. Не торопись, — рассмеялась Тацуми. — Подумай об этом сколько потребуется. Когда бы ты не сражалась: ты ранишь своего противника, он ранит тебя, дорогие тебе люди могут пострадать, но всё же ты выживешь. Что бы не случилось, посмотри, сможешь ли радоваться тому, что выжила. Посмотри, сможешь ли эгоистично более радоваться своей сохранности, чем вреду, нанесённому противнику.

На этих словах Тацуми неожиданно глянула в глаза Микоку, и её выражение лица рассыпалось в улыбку.

— Не заставляй меня слишком тебя отчитывать, ладно? Сино послушна, поэтому выговаривать её скучно. Ты, с другой стороны, сопротивляешься, поэтому выговаривать тебя гораздо веселей.

— Эта последняя часть просто-таки навязывала твоё мнение.

Но поднявшись, Микоку спросила:

— Если я буду сражаться, то со временем смогу говорить без умолку о такой же ерунде?

— А тебе хочется?

— Мне некому такое говорить, — сказала Микоку. — И я думаю, что если хочу отыскать собственную причину сражаться, то нуждаюсь в партнёре. Мне нужен кто-то, кто не содрогнётся, когда я спрошу о значении моих действий, кто примет это всё с улыбкой.

— А я не подхожу?

— Прости, но ты просто тот, с кем я тренируюсь. Партнер, в котором я нуждаюсь, чтобы сражаться — это враг. Мне нужен враг, который займет место Сино.

Произнеся это, Микоку кое-что осознала.

...Ох. Я отталкиваю идею сражения ради Сино. Я действительно простодушна.

Девушка это не подтвердила, и Тацуми могла ненамеренно её туда направлять, но Микоку пыталась выбрать какого-то неизвестного врага вместо Сино, ради которой так долго сражалась.

...Но я не хочу заставлять Сино плакать, когда пострадаю.

Однажды была некая собака, и она спасла Сино ценой собственной жизни.

Этот пёс поступил так ради Сино? Если нет, то почему же?

... Он думал, что это его удовлетворит?

Или это был внезапный порыв без особых мыслей за ним?

Микоку не знала, и Сино, наверняка, тоже.

Но Микоку знала, что Сино по-прежнему не забыла этого пса, что она будет оставлять для него цветы и воду, и что будет его обнимать, когда призывает силой её философского камня.

...Если я умру, случится то же самое?

Часть её на это надеялась, но другая часть знала, что это будет болезненно.

— Болезненно...

Она приняла решение.

— Но если сделать что-то ненормальное частью повседневной жизни, боли не избежать?

Микоку кивнула, и с её лица пропала суровость. Она повернулась к Тацуми и обнаружила привычное прищуренное выражение лица.

— У тебя есть враг, Тацуми?

— Да, есть. И я сражаюсь, чтобы задать вопрос.

— Какой вопрос?

— Это известно лишь моему врагу.

Микоку не знала, что это значило, так что могла только кивнуть в сторону смущенной улыбки другой девушки.

— Ясно. Интересно, есть ли враг и у меня.

— А разве нет? Например, в Отряде Левиафана есть некто, по фамилии Саяма.

— Я не уверена. Тот парень ничего не знает. ...Ты думаешь, он станет моим врагом, едва только узнает истинное значение Пути Левиафана?

И...

— Смогу ли я отыскать собственную причину сражаться до того, как это случится?

Она подняла взгляд к луне.

Взирая на холодный свет этой бледной дуги, Микоку кивнула.

— Мне нужно отправляться на моё задание по защите Хаджи. Если это перерастёт в сражение, я, возможно, что-то пойму.

Она опустила взгляд и посмотрела Тацуми в глаза.

— Но почему ты вдруг об этом заговорила?

— Всё просто, — произнесла Тацуми. — Мне так захотелось.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3276969>